

— Лана Купер —

КОГДА ЧУЖОЕ
СЧАСТЬЕ РАЗРУШАЕТ
ТВОЁ...

РАЗВОД.

*Я тоже
беременная*

Иногда конец —
это начало твоей
настоящей жизни

Лана Купер

Развод. Я тоже беременна

«Автор»

2026

Купер Л.

Развод. Я тоже беременна / Л. Купер — «Автор», 2026

Две настоящие беременности. Один отец. И жена, которая больше не станет ждать, кого он выберет. Я собиралась сообщить мужу о долгожданной беременности. Но Антон заговорил первым: у него будет ребенок от другой женщины, и вся семья уже знала о его уходе. – Я тоже беременна. Теперь он хочет остаться хорошим отцом для двоих детей и мужем там, где ему откроют дверь. Его любовница пытается выбить меня из собственного проекта, родные просят проявить мудрость, а я все еще ловлю себя на надежде, что Антон выберет меня. Но мой ребенок – не аргумент в споре двух женщин. И развод начинается не тогда, когда муж уходит. А тогда, когда я перестаю ждать его возвращения.

© Купер Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. До десерта	5
Глава 2. Не повод остаться	10
Глава 3. Заявление	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лана Купер

Развод. Я тоже беременна

Глава 1. До десерта

– Я уйду к Ксении. Она ждет от меня ребенка.

Антон сказал это до десерта.

Я как раз опустила руку к сумке возле ножки стула и нащупала через кожу плотный угол конверта. Еще минут десять, думала я по дороге сюда. Галина Петровна принесет медовик, все нальют чай, и тогда я положу снимок рядом с чашкой мужа.

Всю дорогу я перебирала первые слова. «У нас будет ребенок» звучало слишком торжественно. «В мае нас станет трое» – глупо, потому что срок пока был слишком маленьким для такой уверенности. Сегодня утром врач показала мне крошечное пятнышко на экране и включила звук, после которого я полчаса сидела в машине, улыбалась и не могла вставить ключ в замок зажигания.

Теперь напротив меня сидел человек, которому я собиралась сообщить лучшую новость нашей жизни.

Никто за столом не переспросил, кто такая Ксения.

Я тоже знала. Ксения Мельник несколько месяцев назад работала маркетологом на проекте одного из клиентов «Меры». Дважды приезжала к нам в офис, пила кофе без сахара и однажды попросила мою зарядку перед презентацией. Странно, что первой мне вспомнилась именно зарядка, а не ее лицо.

Галина Петровна аккуратно поставила салатницу. Отец Антона перестал резать мясо и принялся поправлять вилку возле тарелки, пока она не легла точно параллельно ножу.

Я ждала нормальной реакции – возмущения, недоверия, хотя бы вопроса. Вместо этого свекор произнес тем спокойным голосом, которым обычно предлагал не спорить за праздничным столом:

– Давайте постараемся поговорить без крика. Сейчас всем тяжело, и скандал ничего не исправит.

В ту секунду я поняла: они знали.

– Значит, этот ужин устроили не для того, чтобы Антон сообщил новость семье, – сказала я, чувствуя, как пальцы под столом сжимают ремешок сумки. – Семья уже в курсе. Сообщить собирались только мне.

– Марина, не делай сразу самых тяжелых выводов, – попросила Галина Петровна, поджав губы. – Антон хотел поговорить сам, а мы решили, что здесь будет спокойнее. У вас дома все могло пройти гораздо хуже.

– Хуже для кого именно?

– Для всех нас. Ты сейчас потрясена и слышишь в каждом слове что-то враждебное.

Антон повернулся к матери раньше, чем посмотрел на меня.

– Мам, пожалуйста, не вмешивайся. Я сам все объясню.

Вот за кого он сумел заступиться сразу.

На манжете его синей рубашки торчала белая нитка. Утром я гладила эту рубашку, пока он был в душе, и не заметила ее. Сейчас пальцы сами потянулись через стол, чтобы убрать нитку. Я остановила руку и спрятала под скатерть.

– Тогда объясни нормально, – попросила я. – Ты уже снял квартиру и собрал вещи? Ксения знает, что сегодня ты сообщишь мне об уходе?

Антон помолчал, словно я нарушила порядок вопросов, к которому он готовился.

– Квартиру я снял. Мы с Ксенией должны были переехать туда в конце недели. Она знает, что сегодня я собирался с тобой поговорить. Вещи я пока не собирал, потому что не хотел, чтобы ты нашла сумку или пустой шкаф раньше времени.

Он говорил почти по-деловому. Так же объяснял заказчикам перенос поставки: проблема уже есть, но мы все предусмотрели и сделаем переход максимально безболезненным.

– Значит, ты продолжал возвращаться домой, складывать рубашки в наш шкаф и обсуждать со мной выходные, пока ждал подходящего дня для переезда.

– Я ждал первого скрининга Ксении. Нужно было убедиться, что с ребенком все в порядке, прежде чем принимать окончательные решения.

– То есть сегодня ты пришел не потому, что больше не мог лгать. Ты просто получил хороший медицинский результат.

Антон раздраженно потер подбородок.

– Ты специально формулируешь все так, чтобы это звучало хуже.

– Мне пока не приходится особенно стараться.

Галина Петровна придвинула ко мне стакан.

– Выпей воды, пожалуйста. У тебя руки холодные.

Я накрыла стакан ладонью.

– Не надо за мной ухаживать. Лучше скажите, когда вы узнали, что ваш сын собирается уйти от меня.

Свекровь отвела глаза.

– Позавчера. Антон приехал один и все рассказал. Мы не одобряем того, как он поступил, но ребенок уже есть. Делать вид, что ничего не случилось, тоже нельзя.

Слово «ребенок» она произнесла мягко, почти ласково. Так, будто речь шла о человеке, которого уже нужно защищать. Меня в ее фразе защищать было не обязательно.

– И вы решили помочь ему сообщить мне новость. Посадили за стол, приготовили ужин и заранее договорились, что никто не будет кричать.

– Мы ни о чем таком не договаривались, – возразил отец Антона, нахмурившись. – Ты для нас не чужая, Марина. Именно поэтому мы хотели быть рядом.

– Рядом со мной или рядом с ним?

Он снова посмотрел на вилку, и ответ стал не нужен.

Я повернулась к мужу.

– Как давно вы вместе? Не когда она сообщила о беременности, а когда ты впервые решил, что можешь возвращаться ко мне домой после другой женщины.

– Подробности сейчас ничего не изменят. Я понимаю, что тебе больно, но если мы начнем разбирать каждую встречу, станет только хуже.

– Ты разобрал нашу жизнь на две части, а теперь просишь меня не интересоваться, где прошел разрез.

– Я прошу не мучить себя тем, что уже нельзя исправить.

– Нельзя исправить измену или то, что ты выбрал уйти?

Он поджал губы. Галина Петровна тихо произнесла мое имя, но я не посмотрела в ее сторону.

– Я не хочу врать еще больше, – сказал Антон. – У нас с Ксенией не случайная связь. Я давно понимаю, что наши с тобой отношения изменились. Мы живем работой, возвращаемся домой без сил и откладываем любой разговор, который может что-то нарушить.

– Поэтому ты нашел женщину, с которой разговоры ничего не нарушали.

– Я не сваливаю вину на тебя. Просто между нами давно было плохо.

– Настолько плохо, что позавчера ты прислал мне фотографию светильника в будущую детскую и спросил, не слишком ли он желтый?

Антон поморщился.

– Мы обсуждали комнату. Это не было обещанием, что у нас обязательно появится ребенок.

– Мы называли ее детской девять лет.

– Последние три года там лежат образцы плитки и старые каталоги. Одно название ничего не меняет.

Он был прав, и именно поэтому мне стало трудно дышать. В той комнате действительно стояли коробки и рулоны обоев, но мы ни разу не назвали ее складом. Каждый раз говорили: «Пока поставим в детской». Будто достаточно сохранить название, чтобы жизнь все еще двигалась в нужную сторону.

Я взяла салфетку и медленно сложила ее пополам.

– Какой у Ксении срок?

– Тринадцать недель. В начале недели был первый скрининг, все развивается нормально.

Он знал формулировку врача. Наверное, сидел рядом с ней в кабинете, смотрел на экран и слушал сердцебиение ее ребенка.

Утром я слушала сердцебиение одна.

– Ты был с ней на обследовании?

– Был. Она просила приехать, и я считал, что должен присутствовать.

– А потом вернулся домой и спросил, почему я не купила кофе.

– При чем здесь кофе, Марина?

– Я его купила. Две пачки, твой обычный сорт. Одна стоит в шкафу, вторая в кладовой, потому что была скидка. И я пытаюсь понять, к какой жизни они теперь относятся.

Антон отодвинул тарелку.

– Я понимал, что ты разозлишься, но не ожидал, что ты начнешь унижать всех вокруг.

– Тебе неприятно, что родители оказались в этом разговоре? Тогда не следовало приглашать их присутствовать при моем унижении.

– Никто тебя не унижает. Я честно сказал, что происходит.

– После нескольких месяцев лжи.

– Я мог продолжать молчать и ездить между двумя домами, пока все не открылось бы само. Но я выбрал сказать тебе правду.

Он действительно считал это доводом в свою пользу. Ждал, что я замечу разницу между плохим поступком и еще более плохим и хотя бы за это признаю его порядочность.

– Ты ее любишь? – спросила я.

Антон наконец посмотрел прямо на меня.

– Я хочу быть с ней. Если тебе обязательно нужно назвать это любовью, значит, да.

Мне захотелось встать, но ноги не слушались. Хотелось ударить его, облить водой, потребовать объяснений. Вместо этого я наклонилась к сумке и долго не могла расстегнуть замок. Бегунок зацепился за подкладку, внутри звякнули ключи.

Кремовый конверт лежал сверху.

Утром я держала его обеими руками, боялась согнуть. Теперь угол задел тарелку Антона и лег прямо в соус. На бумаге расплылось темное пятно. Я вытерла его салфеткой, только размазав сильнее, и положила конверт перед мужем.

– Я тоже беременна.

Антон не сразу понял. Сначала посмотрел на конверт, потом на меня, словно ждал продолжения.

Я открыла клапан и достала снимок.

– Сегодня утром было УЗИ. Срок восемь недель. Врач сказала, что пока все соответствует норме, и дала послушать сердцебиение. Я собиралась рассказать после десерта.

На последних словах голос сорвался. Я ненавидела себя за это, словно ровная речь могла оставить мне хотя бы часть достоинства.

Антон взял снимок слишком осторожно, кончиками пальцев.

– Почему ты не сказала мне сразу? Ты знала несколько дней и все это время молчала?

Я смотрела на него и не понимала, как он сумел так быстро сделать виноватой меня.

– Я ждала УЗИ. Хотела убедиться, что беременность развивается. А еще мне казалось, что такая новость заслуживает вечера, который мы оба запомним.

Галина Петровна закрыла рот ладонью. В ее глазах выступили слезы.

– Господи, Марина... Почему ты ничего не сказала мне? Я бы приготовила совсем другой ужин.

Другой салат, другое мясо, другой порядок предательства.

Антон перевернул снимок, словно на обороте могла быть инструкция, что теперь делать.

– Ты хорошо себя чувствуешь, тебе назначили анализы? Когда будет следующий прием?

В его голосе появилась знакомая деловая собранность. Так он реагировал на любую проблему, которую можно было разложить по пунктам: сроки, ответственный, следующий шаг.

– Я чувствую себя нормально. Все назначения у меня записаны, и до сегодняшнего вечера я справлялась.

– Ты не должна была справляться одна. Я отец и имел право знать.

– Ты пришел сообщить, что через несколько дней будешь жить с другой женщиной. В какой момент мне следовало вставить новость?

– Я не знал о нашей беременности.

– Ты уже называешь эту беременность нашей?

– Конечно, это наш ребенок, и теперь все изменилось. Я никуда не уйду, пока мы не разберемся.

Еще утром эти слова сделали бы меня счастливой. Я представляла, как Антон зайдет в ту комнату, отодвинет коробки и скажет, что пора наконец освободить детскую.

Теперь он говорил, что никуда не уйдет, с выражением человека, которому пришлось отменить заранее согласованный переезд.

– Что именно изменилось? Несколько минут назад ты хотел быть с Ксенией. Теперь ты хочешь быть со мной или просто считаешь, что обязан остаться возле беременной жены?

– Не заставляй меня отвечать на такие вопросы сразу. Я только что узнал, что стану отцом еще одного ребенка.

– Завтра ты уже составишь расписание, договоришься со всеми и объяснишь себе, что поступил правильно. Поэтому я спрашиваю сейчас.

– Марина, я говорю, что не брошу тебя.

– Но ты уже бросил.

Его задело не обвинение, а глагол в прошедшем времени. Пока он сидел за этим столом, ему казалось, что ничего окончательного не произошло.

На столе завибрировал телефон.

Экран загорелся рядом со снимком. Имя Ксении появилось так близко к моей ладони, что я увидела фотографию: темные волосы, светлый шарф, прищур от солнца.

Антон не сразу потянулся к телефону. Несколько секунд он смотрел на экран, а я – на него.

– Не отвечай ей сейчас, – попросила я. – Хотя бы не при мне и не сразу после того, как узнал о нашем ребенке.

Он провел ладонью по лицу.

– Она ждет звонка и понимает, что разговор затянулся. Я должен объяснить, что произошло.

– Пусть подождет полчаса. Я ждала несколько месяцев, даже не зная, чего именно жду.

– Ты предлагаешь заставить беременную женщину нервничать только для того, чтобы я доказал тебе свою сторону?

– Я прошу мужа досидеть со мной за одним столом после того, как он разрушил наш брак. Не превращай это в наказание Ксении.

Телефон замолчал, но почти сразу завибрировал снова.

Галина Петровна тихо сказала:

– Антон, наверное, лучше ответить. В ее положении неизвестность действительно вредна.

Я повернулась к свекрови. Ксения находилась где-то далеко, но ее покой оказался важнее моего прямо за этим столом. Антон взял телефон.

– Я выйду и быстро все объясню.

– Если ты сейчас уйдешь к ней, не называй это разговором, который ничего не значит.

– Я пока никуда не ухожу. Я просто отвечу.

Он отошел к окну, хотя квартира была небольшой и каждое слово оставалось с нами.

– Ксюш, я сказал ей. Да, только что... Нет, послушай меня, пожалуйста. Все оказалось сложнее.

Он говорил ее имя мягко и привычно. Меня последние полчаса называл полным именем, словно мы уже перешли на деловую переписку.

В трубке отвечали быстро и громко. Слов я не разбирала, но Антон нахмурился и понизил голос.

– Не плачь. Я прошу тебя успокоиться. Я приеду и все объясню лично.

– Ты только что сказал, что остаешься, – напомнила я. – Теперь уже собираешься ехать к ней?

Антон прикрыл микрофон ладонью.

– Она одна и в истерике. Я не могу бросить ее в таком состоянии. Ты здесь с родителями, а потом мы вместе поедем домой. Я поговорю с Ксенией, вернусь, и мы спокойно решим, что делать дальше.

– Я тоже одна, Антон. Просто вокруг меня сидят люди, которые заранее знали, что ты собираешься уйти.

Он отвернулся.

– Ксюш, я еду. Дай мне полчаса и, пожалуйста, ничего не решай одна.

Отключив телефон, Антон взял со спинки стула пиджак и наклонился ко мне. На мгновение я решила, что он хочет поцеловать меня в висок. Я бы, наверное, не успела отстраниться. Но он только коснулся моего плеча.

– Я вернусь домой после разговора. Пожалуйста, не садись за руль сама. Отец тебя отвезет или вызовет машину.

– Не прикасайся ко мне так, будто ты уже выбрал меня.

Он убрал руку, и по его лицу прошло раздражение.

– Я пытаюсь позаботиться о тебе.

– Тогда останься.

Просьба вырвалась раньше, чем я успела ее остановить. За столом стало тихо. Галина Петровна отвела взгляд, и это было больше любого отказа.

Антон посмотрел на телефон, потом на дверь.

– Я должен сначала поговорить с ней. После этого приеду домой, и мы решим все вместе.

Он не сказал, что хочет остаться. Не сказал даже, что сожалеет. Просто еще раз выбрал порядок, который казался ему правильным.

Дверь закрылась за ним через несколько секунд. Отец Антона начал говорить, что сейчас всем нужно время, но я уже не слышала слов. Перед пустой тарелкой мужа лежал снимок, который он забыл забрать. На кремовом конверте темнело пятно от соуса.

Я прижала снимок к ладони и продолжала смотреть на дверь. Не потому, что Антон мог вернуться за забытой бумажкой. Какая-то унизительно упрямая часть меня все еще ждала, что он вернется за мной.

Глава 2. Не повод остаться

Ключ повернулся в замке в половине второго ночи.

Я сидела на полу в комнате, которую мы девять лет называли детской, хотя в ней давно стояли коробки с образцами, старый принтер и два рулона обоев, оставшихся после проекта загородного дома. Верхний свет я не включала. Из коридора падала узкая полоса, и в ней белел кремовый конверт со снимком.

Телефон лежал рядом. В переписке с Антоном оставалось ненаписанное сообщение: «Ты скоро?»

Я набрала его десять минут назад, потом стерла и снова набрала. Отправить не успела.

Антон вошел тихо, словно боялся разбудить меня. Разулся, поставил туфли на обычное место, повесил пиджак на крючок и только после этого заметил свет в дальней комнате.

– Почему ты сидишь здесь на полу? – Он остановился в дверях и нахмурился. – Ты могла хотя бы включить свет. И вообще, пол холодный, тебе сейчас нельзя так сидеть.

Мне хотелось спросить, откуда он уже знает, что мне можно, а что нельзя. Утром он не подозревал о беременности, вечером собирался переехать к другой женщине, а ночью вернулся специалистом по моему здоровью.

– Я не знала, придешь ли ты домой, – сказала я. – Ты обещал вернуться, но сегодня выяснилось, что твои обещания имеют очень гибкий срок действия.

Антон снял часы и сунул их в карман брюк. Раньше он всегда клал их на комод возле двери, чтобы утром не искать. Сейчас, похоже, не был уверен, имеет ли право оставить здесь хоть что-нибудь.

– Я сказал, что вернусь, и вернулся. Разговор с Ксенией затянулся, потому что она узнала новость не в лучших обстоятельствах.

– Она узнала от тебя сразу после того, как ты ушел от родителей?

– Мне пришлось объяснить, почему я не могу сегодня приехать с вещами и начать нашу общую жизнь так, как мы планировали.

Наша общая жизнь. Он говорил о своей жизни с Ксенией в комнате, которую мы когда-то собирались освободить для ребенка. Даже не оговорился. Просто произнес то, что уже давно было для него настоящим.

Я поднялась слишком резко и ухватила за край стола. Антон шагнул ко мне, но я выпрямилась раньше, чем он успел коснуться руки.

– Ты сказал ей о моей беременности?

– Разумеется. После сегодняшнего вечера скрывать это было бы еще большей ложью.

– Моя беременность не твоя новость, которую можно разнести по всем заинтересованным сторонам.

– Ксения не посторонний человек. Ее жизнь тоже меняется из-за того, что случилось.

– То, что случилось, – это твое решение спать с нами обеими. Беременность здесь ничего не создала, она только показала результат.

Антон устало прикрыл глаза. На подбородке проступила темная щетина, рубашка помялась, верхняя пуговица была расстегнута. Мне хотелось думать, что разговор с Ксенией дался ему тяжело. Эта мысль приносила мелкое, неприятное удовлетворение, которого я тут же устыдилась.

– Я не собираюсь сейчас оправдываться, – сказал он. – Нам обоим нужно немного прийти в себя. Я переночую на диване, а утром мы спокойно поговорим и решим, что делать дальше.

– Ты уже все решил. Снял квартиру, выбрал день переезда и устроил семейный ужин, чтобы сообщить мне готовый результат.

– До того, как узнал о ребенке. Теперь обстоятельства изменились, и было бы безответственно делать вид, что это ничего не значит.

– Я пытаюсь понять одну простую вещь. Ты вернулся ко мне или только решил отложить переезд?

Антон посмотрел на конверт, лежавший на коробке с каталогами.

– Я вернулся домой. Сегодня этого достаточно.

Слово «сегодня» он произнес негромко, но я услышала его отчетливее всего остального.

Он не выбрал меня. Он взял паузу.

В прихожей зазвонил телефон. Антон не пошевелился, пока звонок не оборвался. Через несколько секунд пришло сообщение. Экран вспыхнул, но отсюда я не видела имени.

– Она? – спросила я.

– Да. Ксения не понимает, что теперь будет, и я не могу требовать от нее спокойствия.

– От меня, значит, можешь.

– Я не требую от тебя спокойствия. Я всего лишь прошу не принимать окончательных решений посреди ночи.

Он говорил мягче, чем за столом у родителей. Без свидетелей ему уже не приходилось защищаться перед семьей и сохранять лицо. Он подошел к окну, отодвинул рулон обоев и освободил мне место на низком подоконнике.

– Когда ты ела в последний раз?

– У твоей мамы. До того, как ужин потерял всякий смысл.

– Ты почти ничего не съела. Давай я сделаю тебе чай или разогрею суп.

– Не надо превращать продукты в доказательство, что ты все еще хороший муж.

Антон поморщился.

– Я не доказываю, что я хороший. Я вижу, что ты беременна, не спала, не ела и сидишь на холодном полу. Мне не нужно заслуживать разрешение, чтобы волноваться.

– А мне теперь каждый раз придется угадывать, о ком ты волнуешься сильнее?

– Не начинай снова это соревнование. Дети не виноваты в том, что взрослые все испортили.

Он сказал «дети», и я впервые представила их вместе. Два младенца с разницей в несколько недель. Два приема у врачей, две кровати, два набора первых фотографий. Один мужчина, который будет приезжать то в один дом, то в другой и объяснять всем, что поступает ответственно. Меня затошнило.

Я успела дойти до ванной и закрыть дверь, но Антон все равно услышал. Он не вошел сразу. Постучал, подождал и только потом спросил:

– Марин, тебе открыть воду? Там в шкафу должны быть таблетки от тошноты.

– У меня нет таблеток. До сегодняшнего дня меня почти не тошнило.

– Открой дверь, пожалуйста. Я не стану ничего спрашивать.

Я сидела на краю ванны, прижимая к губам мокрое полотенце. Сил спорить не осталось. Я повернула защелку, и Антон вошел с бутылкой воды. Не стал гладить по голове и суетиться. Просто сел на корточки возле двери и протянул бутылку.

– Врач знает, что тебе бывает плохо?

– Сегодня я сказала, что иногда мутит по утрам. Она ответила, что на моем сроке это нормально.

– Мне не нравится слово «нормально», когда ты сидишь в ванной белая, как стена.

– Тебе вообще теперь многое не понравится. Беременность плохо приспосабливается к расписанию.

Он опустил взгляд.

– Я понимаю, что не имею права просить тебя забыть сегодняшний вечер. Но ребенок мой не меньше, чем твой. Я хочу участвовать с самого начала.

- У тебя уже есть один ребенок, ради которого ты сегодня ушел из-за стола.
- И я буду участвовать в его жизни тоже. Одно не отменяет другое.

Антон произнес это уверенно. Наверное, уже успел повторить себе несколько раз и привык к мысли, что можно ничего не отменять. Не нужно выбирать женщину, дом или жизнь. Достаточно правильно распределить обязанности.

Я сделала несколько глотков и прислонилась затылком к холодной плитке.

- Ты действительно хочешь спать на диване?

Он не ответил сразу.

– Я буду там, где ты разрешишь. Если тебе неприятно видеть меня в спальне, я не стану заходить.

Мне следовало отправить его в гостиницу или в ту квартиру, которую он приготовил для Ксении. Следовало напомнить, что несколько часов назад он собирался навсегда уйти из нашего дома.

Вместо этого я услышала собственный голос:

- Не уходи сегодня. И не уходи от меня на диван.

После этих слов мне стало стыдно. Не за него – за себя. За то, что после признания, после звонка Ксении и семейного ужина мне все еще требовалось его знакомое тепло.

Антон не показал ни облегчения, ни победы. Помог мне встать, довел до спальни и подождал, пока я переоденусь в ванной. Когда вернулась, он уже снял рубашку и лежал поверх одеяла в футболке, оставив между нами расстояние.

Я легла на край. Несколько минут мы молчали и слушали, как за стеной кто-то включил воду.

- Она знала, что ты продолжаешь жить со мной? – спросила я.

– Ксения знала, что мы пока не разъехались. Я говорил ей, что нас связывают работа, квартира и привычка.

- Про супружескую постель ты, видимо, забыл упомянуть.

Антон повернулся ко мне.

- Мы с тобой почти не были близки последние месяцы.

- «Почти» оказалось достаточно, чтобы я забеременела.

– Я не отрицаю свою ответственность. Не нужно каждый раз говорить так, будто я пытаюсь представить ребенка случайностью.

- А чем ты его представляешь?

Он провел ладонью по лицу.

– Я пока ничего не представляю. Несколько часов назад у меня был план, который я считал честным, насколько это вообще возможно после измены. Сейчас этого плана нет. Я не способен за одну ночь придумать новую жизнь для четырех человек и убедить всех, что она правильная.

Впервые за вечер Антон не притворился, что знает решение. Эта честность подействовала на меня сильнее обещаний.

– Мне страшно, – призналась я. – Я утром была счастлива. Думала только о том, как покажу тебе снимок и куда мы переставим рабочий стол. А теперь я даже не понимаю, кто будет рядом со мной через неделю.

Антон придвинулся осторожно, оставляя возможность отстраниться. Я не воспользовалась ею.

Он обнял меня, положил ладонь между лопаток и прижал к груди. Его сердце билось быстро. Значит, он тоже не был спокойным, несмотря на ровный голос и готовность раздавать решения.

- Я буду рядом, – сказал он. – Что бы ни произошло между нами, ты не останешься одна.

Я закрыла глаза. Мне хотелось услышать совсем другое: «Я люблю тебя. Я ошибся. Я выбираю наш дом». Но даже эти неполные слова легли на больное место, как теплая ладонь.

Ночью я несколько раз просыпалась. Антон лежал рядом, держал руку у меня на талии и дышал в волосы. В один из таких моментов он сонно притянул меня ближе, как делал все девять лет. Тело узнало его раньше, чем память успела напомнить о Ксении.

Я позволила себе поверить, что он вернулся.

Утром его половина постели была пустой.

Паника накрыла так быстро, что я села, не успев открыть глаза. Из кухни донесся стук дверцы шкафа, затем заработала кофемашина. Почти сразу Антон ее выключил.

– Не знаю, можно ли тебе кофе, – крикнул он. – Поэтому купил чай и какой-то напиток из цикория. Продавец уверял, что беременные его берут, но выглядел он не слишком убедительно.

На кухонном столе стояли два пакета. Антон выложил бананы, творог, йогурты без добавок, крекеры, яблоки и три упаковки детского пюре.

Я взяла одну баночку.

– Зачем нам пюре из кабачка? Ребенок родится только через семь месяцев и еще долго не сможет это есть.

– Я увидел отдел для детей и немного потерял здравый смысл. Не выбрасывай, срок годности большой.

Он улыбнулся, и я тоже едва заметно улыбнулась в ответ. Это получилось само, по старой привычке. От этой короткой общей неловкости стало почти хорошо.

Антон придвинул мне стул.

– Садись, пожалуйста. Я сделал тосты, но один сжег. Второй пока выглядит безопасно.

– Ты всю жизнь считал приготовление завтрака бесполезной тратой времени.

– Всю жизнь я не знал, что моя жена беременна.

Моя жена. Я опустилась на стул и начала намазывать творог на тост, хотя есть не хотелось. Антон сел напротив, открыл на телефоне заметки и заговорил о витаминах, следующем приеме и анализах. Он уточнял даты, предлагал отвозить меня в клинику и сразу вносил все в календарь.

– На следующий прием я поеду с тобой, – сказал он. – Если ты не захочешь видеть меня в кабинете, подожду в коридоре, но знать о ребенке только из пересказа я не согласен.

– Ты уже решил, что можешь устанавливать условия?

– Я прошу участия, а не разрешения управлять тобой.

– Вчера ты без моего согласия сообщил Ксении о беременности.

– Я объяснил человеку, с которым собирался жить, почему все изменилось. Это касается ее напрямую.

– Мое здоровье касается ее только потому, что ты сделал нас участницами одной истории.

Антон отложил телефон.

– Я понимаю, что поступил неправильно. Но теперь у меня будет двое детей, и я не собираюсь делать вид, что один из них важнее другого. Тебе придется принять, что Ксения не исчезнет.

Он снова говорил так, словно главная трудность заключалась в моей неспособности принять реальность, а не в том, как эта реальность появилась.

Телефон на столе мигнул сообщением. Антон прочитал его, нахмурился и начал печатать. Через минуту стер написанное и включил запись голосового.

– Ксюш, послушай меня до конца, пожалуйста. Я не собираюсь отказываться ни от тебя, ни от ребенка. Марина сейчас не в состоянии нормально работать, поэтому я сам заберу у нее выезды на отель и пока не буду тревожить заказчика изменениями. Это не означает, что я перечеркнул все, о чем мы говорили. Мне нужно несколько дней, чтобы понять, как действовать дальше и никого не бросить.

Он отправил запись и только потом заметил, что я смотрю на него.

– Что означает «не в состоянии нормально работать»? – Я положила нож рядом с тарелкой. – Ты вчера узнал о беременности, а сегодня уже сообщил любовнице, что я не справляюсь со своими обязанностями.

– Я говорил о выездах на стройку. Там пыль, краска и постоянные лестницы. Тебе самой нужно понимать, что прежний режим придется менять.

– Врач ничего не запрещала. Мы обсудили работу, и я знаю, в какие зоны не должна заходить. Проект отеля веду я, а не ты.

– Мы ведем его вместе. Я отвечаю за подрядчиков и могу временно взять часть нагрузки.

– Ты можешь предложить. А сейчас ты сообщил Ксении о принятом решении, которого не существует.

Антон раздраженно отодвинул стул.

– Я пытаюсь успокоить беременную женщину, которая считает, что я использовал ее ребенка как повод уйти из семьи, а теперь использую твоего как повод вернуться. Мне нужно было объяснить, что происходит.

– Для этого обязательно было объявлять меня неспособной работать?

– Я сказал неудачно. Это личное сообщение, а не официальное письмо заказчику.

– Значит, личная ложь тебя больше не беспокоит?

– Не надо превращать каждое слово в новый суд. Я не лишил тебя проекта и не собираюсь этого делать.

Запись уже находилась в телефоне Ксении. Мое имя, беременность и работа снова стали материалом для их разговора. Антон доказывал ей, что не возвращается ко мне по любви, и расплачивался моей профессиональной репутацией, даже не замечая этого.

Я встала и начала убирать продукты в холодильник. Антон отобрал у меня пакет с бутылками воды.

– Не поднимай тяжелое. Я сам все разложу.

– Две бутылки воды не тяжелые.

– Мне все равно. Поставь пакет.

Он произнес это без злости, почти ласково. Раньше такая забота растрогала бы меня. Теперь я слышала в ней ту же уверенность, с которой он обещал Ксении забрать мои выезды.

Я отпустила пакет только потому, что не хотела устраивать борьбу возле холодильника. Антон убрал продукты, переставил банки на нижнюю полку, чтобы мне не приходилось тянуться, и выбросил сыр с истекшим сроком. Потом позвонил в офис, перенес свою встречу и остался работать из дома.

День получился пугающе обычным.

Я сидела с ноутбуком за обеденным столом, проверяла чертежи и отвечала сотрудникам «Меры». Антон разговаривал с подрядчиками из спальни, иногда выходил налить воды или принести мне нарезанное яблоко. Один раз положил ладонь мне на плечо, когда проходил мимо. В другой момент спросил, не пора ли освободить детскую от образцов.

Каждое его «нам нужно» ложилось на вчерашнюю рану и одновременно закрывало ее.

К вечеру я почти убедила себя, что самое страшное осталось за семейным столом. Антон не собрал вещи, не уехал в снятую квартиру, работал рядом, варил суп и обсуждал, куда переставить принтер. Возможно, человеку действительно требовалась катастрофа, чтобы понять, чего он хочет.

Телефон зазвонил около семи.

Антон посмотрел на экран и вышел в коридор. Дверь в комнату не закрыл, поэтому я слышала отдельные фразы: «успокойся», «я не говорил, что остаюсь навсегда», «ты не должна быть одна», «я сейчас приеду».

Когда он вернулся на кухню, на нем уже была рубашка. В руках он держал зарядку от ноутбука.

– Ксения весь день почти ничего не ела и отказалась от встречи с врачом. Она плачет и говорит, что я снова собираюсь ее спрятать. Мне нужно съездить к ней и поговорить спокойно.

Я посмотрела на две тарелки, которые только что поставила на стол.

– Ты останешься у нее на ночь?

– Я пока не знаю. Если она придет в себя, вернусь. Но сейчас я не могу бросить беременную женщину в таком состоянии и сделать вид, что ее ребенок перестал существовать.

– А меня можно оставить, потому что я сегодня поела суп и не плачу при тебе?

– Я не оставляю тебя. Я провел здесь весь день, купил продукты, перенес работу и договорился, что завтра сам поеду на объект.

– Я не просила тебя ехать вместо меня.

– Сейчас разговор не об отеле.

– Разговор всегда не о том, что неудобно тебе. Вчера он был не о сроках измены. Сегодня утроем – не о моей работе. Теперь он не о том, что ты опять уходишь к ней.

Антон положил зарядку в сумку и застегнул молнию.

– Я не могу за сутки отменить ответственность перед другим ребенком. Тебе больно, и я понимаю почему, но ты требуешь поступка, за который сама потом меня возненавидишь. Я не стану подлецом, бросившим беременную женщину после обещания быть рядом.

– Ты уже стал подлецом. Просто хочешь сам выбрать, перед кем именно.

Он вздрогнул, будто я ударила его.

– Мне не нужно твое прощение сегодня. Нужно время. Не подавай на развод, не начинай делить квартиру и «Меру». Хотя бы ради нашего ребенка не разрушай все окончательно, пока мы оба в шоке.

– Ты просишь меня сохранить брак, пока сам решаешь, с какой женщиной хочешь жить?

– Я прошу не превращать несколько страшных дней в необратимое решение. Я буду помогать тебе, присутствовать на приемах и участвовать во всем, что касается ребенка. С Ксенией мне тоже придется выстроить отношения отдельно.

Он снова говорил о двух жизнях так, словно перед ним лежали два сложных проекта, которым требовались разные графики и ответственные исполнители.

– Ты хочешь оставаться моим мужем и одновременно строить семью с ней, – сказала я.

– Не на неделю и не до следующего разговора. Тебе просто удобно, чтобы никто не заставлял выбирать.

– Это неправда. Мне сейчас ничего не удобно.

– Кроме права приходить сюда, когда ты волнуешься за меня, и уезжать туда, когда она плачет.

Антон надел пиджак. Перед дверью задержался и протянул руку к моему животу. Я отступила.

Он медленно опустил ладонь.

– Позвони мне, если станет плохо. Не жди и не пытайся справиться сама.

– Я позвоню тому, кто в этот момент будет рядом.

На этот раз он ничего не ответил. Закрыв дверь осторожно, без хлопка, словно бережно относился к моим нервам.

В прихожей остались его домашние тапки. В ванной рядом с моей щеткой стояла его. На кухне остывали две тарелки супа, а в холодильнике лежали продукты, купленные человеком, который весь день говорил «мы» и вечером снова уехал к другой женщине.

Я достала телефон и позвонила Светлане.

Сестра ответила сонным, недовольным голосом:

– Если ты опять хочешь спросить, куда я дела вашу форму для запекания, то предупреждаю: я ее вернула еще летом.

– Свет, я беременна. Восемь недель.

На другом конце стало тихо.

– Марина, это замечательная новость, но почему ты плачешь? С ребенком что-то случилось?

– С ребенком все нормально. Антон уходит от меня. У него беременна другая женщина, и сейчас он поехал к ней.

Светлана шумно вдохнула. Я ждала вопросов, ругани, обещания немедленно приехать и убить Антона чем-нибудь тяжелым. Вместо этого сестра спросила:

– Ты сейчас одна в квартире?

– Да. И мне нужно, чтобы ты стала моим запасным контактом в клинике. Не Антон и не его мама. Ты.

– Я буду не запасным контактом, а нормальным. Завтра поеду с тобой куда скажешь, а сегодня останусь на телефоне. Только не отключай звук и не говори, что прекрасно справляешься, потому что я тебя знаю.

Я закрыла глаза.

– Я не справляюсь. Поэтому и звоню.

После разговора открыла сайт юридической консультации, который Светлана прислала мне еще до того, как мы попрощались. Ближайшее свободное время было послезавтра утром.

В поле «Причина обращения» я написала: «Расторжение брака. Раздел квартиры и доли в ООО».

Несколько секунд смотрела на кнопку подтверждения. Потом нажала.

Телефон сообщил, что запись принята. Я убрала щетку Антона из стакана в верхний ящик ванной.

Не выбросила. Пока только убрала с глаз.

Глава 3. Заявление

Папка получилась неприлично толстой.

Я сложила в нее свидетельство о браке, документы на квартиру, устав «Меры», выписки по общим счетам, договор с заказчиком по отелю и даже старое соглашение с банком о погашенной ипотеке. Несколько бумаг положила в двух экземплярах, потому что не помнила, что именно просила принести юрист. Всю дорогу боялась, что забыла самое важное, хотя самым важным, вероятно, был сам муж. Его я с собой не взяла.

– Выглядит внушительно, – заметила Вера Александровна, приподняв брови, когда я выложила папку на стол. – Обычно ко мне приходят со свидетельством о браке и уверенностью, что остальное я каким-то чудом найду сама.

– Я привыкла готовиться к встречам, – ответила я, поправляя съехавший файл. – Когда не знаешь, что именно рухнет, хочется хотя бы документы разложить по порядку.

Юрист на секунду задержала на мне внимательный взгляд, но сочувствовать вслух не стала. За это я была ей благодарна. Последние дни любой участливый голос заставлял меня либо плакать, либо огрызаться.

Вера Александровна открыла папку и быстро просмотрела верхние листы. Ей было около пятидесяти, волосы она носила короткие, почти мужские, а тонкие очки постоянно сползали к кончику носа. На фотографии с сайта она улыбалась, прижимая к груди синюю папку. В жизни не улыбалась совсем и папки держала на столе, где им и полагалось находиться.

– Начнем с простого, – сказала она, взяв ручку. – Девять лет брака, общих несовершеннолетних детей пока нет, квартира приобретена в браке, ипотека выплачена. В обществе с ограниченной ответственностью у вас с супругом равные доли. Все верно?

– Пока все именно так.

– Почему «пока»? – Вера Александровна подняла на меня глаза поверх очков.

– Потому что через несколько месяцев ребенок будет. А что к тому времени останется от квартиры и компании, я уже не знаю.

– Муж угрожает продать имущество, вывести деньги или переоформить долю?

– Нет, – призналась я, покачав головой. – Антон вообще ведет себя так, будто никакого развода не будет. Вчера он купил мне творог, запретил поднимать пакет с водой и вечером уехал к беременной любовнице. Наверное, в его представлении это называется сохранять семью.

Ручка Веры Александровны остановилась над листом.

– Другая женщина тоже беременна?

– Тринадцать недель. У меня восемь.

Она медленно сняла очки и положила их рядом с блокнотом.

– Я уточню, чтобы правильно понять ситуацию. Супруг сообщил, что уходит к другой женщине, поскольку она ждет ребенка. После этого узнал о вашей беременности и попросил не торопиться с разводом?

– Он не просто попросил. Он вернулся домой, лег со мной в постель, утром купил продукты, весь день говорил «мы», а вечером снова собрал сумку и поехал к ней, потому что она плакала.

Последнее слово далось тяжелее, чем весь пересказ. Я стиснула замок папки, чтобы пальцы не дрожали.

– Я всю ночь думала, что он вернулся, – добавила я уже тише. – Не потому, что любит меня. Потому что мой ребенок оказался для него достаточно веской причиной отменить переезд. До следующего звонка Ксении.

Вера Александровна снова надела очки.

– Вы хотите расторгнуть брак или хотите напугать мужа возможностью развода?

Я вскинула голову.

– Я пришла не за психологической консультацией.

– И я не психолог, – невозмутимо ответила она, чуть склонив голову. – Поэтому мне неинтересно, правильно вы чувствуете или неправильно. Но заявление может быть решением, а может быть способом заставить человека сделать выбор. Во втором случае вы рискуете получить не тот ответ, на который рассчитываете.

– Он уже сделал выбор, – резко произнесла я, хотя внутри неприятно кольнуло. – При родителях объявил, что переезжает к Ксении, заранее снял для них квартиру и собирался забрать вещи после ужина. Я не угрожаю ему разводом, просто не хочу еще полгода просыпаться и гадать, чья беременность сегодня окажется убедительнее.

Юрист несколько секунд смотрела мне в лицо. Потом кивнула и перевернула чистый лист.

– Хорошо. Тогда развод рассматриваем как ваше решение. Имущество и компанию пока отделяем от него, чтобы долгий спор не удерживал вас в браке. Теперь расскажите, что вы знаете о финансовом состоянии «Меры».

Я облегченно выдохнула. Документы, цифры, доли казались безопаснее мужа, который ночью держал меня за талию, а вечером застегивал сумку перед поездкой к другой женщине.

– У нас несколько действующих проектов. Самый крупный – реконструкция доходного дома под бутик-отель. Я автор концепции и ведущий архитектор, Антон отвечает за финансы, продажи и подрядчиков. После сдачи объекта должен прийти финальный платеж.

– Какова текущая стоимость вашей доли?

Я открыла рот и замолчала.

– Мы не проводили отдельную оценку, – наконец ответила я, нахмурившись. – Антон сможет назвать приблизительную сумму.

– Я спрашиваю не о знаниях Антона, – сухо напомнила Вера Александровна. – Что известно вам?

– Точной стоимости я не знаю.

Признание прозвучало тихо, но мне захотелось спрятать руки под стол. Я могла наизусть назвать площадь каждого номера в отеле, вспомнить стоимость изготовленной на заказ двери и объяснить, почему нельзя переносить светильники в коридоре. Но не знала, сколько стоит половина компании, которую создавала почти с нуля.

– Доступ к банковским счетам общества у вас есть? – продолжила юрист, постукивая ручкой по полям блокнота.

– Есть приложение и электронная подпись. Я вижу платежи, иногда подписываю крупные. Просто текущими финансами всегда занимался Антон.

– Что означает «занимался»? Он готовил отчеты и согласовывал решения или сам определял, сколько вы можете потратить?

– Обычно я спрашивала, какой у проекта остаток и можем ли мы заказать то или иное решение. Антон проверял и отвечал.

– А вы проверяли его расчеты?

– Зачем мне было их проверять? – Я раздраженно повела плечом. – Мы девять лет женаты, у нас равные доли и общий дом.

Вера Александровна слегка приподняла бровь.

– Вы пришли ко мне именно потому, что девять лет брака не гарантировали вам полноты информации о личной жизни мужа. Я не утверждаю, что он скрывает деньги. Но доверие перестало быть достаточным источником сведений.

Я отвернулась к окну. За стеклом женщина тащила за руку мальчика в расстегнутой куртке, а тот упирался и пытался поднять с мокрого тротуара какой-то блестящий фантик. Простая ссора, простая жизнь. Мне захотелось оказаться на ее месте хотя бы на десять минут.

– Значит, запросим документы, – проговорила я, заставляя себя снова посмотреть на юриста. – Все отчеты, обязательства, движение средств. Я имею на них право.

– Разумеется. И до того, как вы договоритесь о разделе, лучше письменно зафиксировать временные правила: никаких крупных платежей, новых займов и изменений по контрактам без взаимного согласования. Это не обвинение в мошенничестве, а обычная осторожность.

Телефон завибрировал в сумке.

Я достала его, ожидая увидеть Светлану. Сестра с утра прислала уже четыре сообщения: поела ли я, взяла ли воду, добралась ли до юриста и не передумала ли рассказать врачу о стрессе. На экране высветилось другое имя. Ксения.

Я открыла сообщение и почувствовала, как к щекам прилила кровь.

«Марина, Антону неудобно сейчас просить тебя о вещах. Собери, пожалуйста, серый костюм, две белые рубашки, документы из нижнего ящика и зарядку от ноутбука. Ему все равно придется приезжать, но лучше не растягивать это на несколько раз. Тебе сейчас, наверное, тоже спокойнее побыть одной».

Она знала про серый костюм, про документы в нижнем ящике, про зарядку, которую Антон постоянно забывал в спальне. А еще Ксения знала, что мне полезнее побыть одной.

– Что случилось? – насторожилась Вера Александровна, заметив мое выражение.

– Ничего особенного, – выдавила я сквозь зубы и повернула телефон к ней. – Любовница мужа решила помочь мне организовать его переезд. Видимо, у них уже распределены обязанности.

Юрист прочитала сообщение и поджала губы.

– Вы собираетесь ей отвечать?

– Да, но сначала хочу остыть.

Я быстро набрала: «Пусть Антон сам забирает свои вещи. Не распоряжайся в моем доме».

Посмотрела на слова и стерла. «В моем доме» было неправдой: половина квартиры принадлежала Антону. «Сам забирает» звучало так, будто я уже согласилась впустить его в любое удобное время.

Второй вариант получился еще хуже: «Все вопросы решай с Антоном». Словно я разрешила им вдвоем обсуждать, когда и как очищать наши шкафы.

– Я сейчас напишу что-нибудь такое, что потом придется зачитывать в суде, – простонала я, проводя ладонью по лицу.

– Тогда не пишите ничего, что не готовы повторить вслух, – спокойно посоветовала Вера Александровна.

Я несколько секунд смотрела на экран, потом медленно набрала:

«Вопросы о своих вещах Антон решает со мной лично. Больше не пиши мне о нашей квартире».

Сообщение ушло. Ответ появился почти сразу.

«Хорошо. Я просто хотела избежать лишней встречи».

– Лишней, – вслух прочитала я и невесело рассмеялась. – Оказывается, это моя встреча с собственным мужем лишняя.

Вера Александровна придвинула ко мне стакан воды.

– Антон должен приехать на вторую часть консультации через десять минут. Вы вчера подтвердили встречу. Если сейчас не готовы его видеть, я отменю.

Я сделала несколько глотков. Вода оказалась теплой и отдавала пластиком.

– Пусть приезжает. Я хочу предложить совместное заявление и услышать его ответ здесь, а не ночью в нашей спальне.

– Если он откажется, вы сможете начать процесс самостоятельно.

– Я знаю. Но пусть хотя бы один его выбор прозвучит без родителей и без плачущей Ксении в телефоне.

Антон вошел в кабинет на пять минут раньше.

На нем был темно-синий костюм, не тот серый, который заказала Ксения, и белая рубашка без галстука. Выглядел он так, будто пришел обсуждать спорный контракт, а не конец девятилетнего брака. Только под глазами залегли тени, и при виде моей папки уголок его рта нервно дернулся.

– Ты уже принесла документы на компанию? – спросил он вместо приветствия и поднял бровь. – Марина, прошло меньше трех дней. Неужели нельзя было сначала поговорить со мной?

– Вчера я пыталась, – ответила я, застегивая папку. – Но вечером ты снова уехал к Ксении. Пришлось разговаривать с тем, кто остался на месте.

Антон нахмурился и поздоровался с Верой Александровной. Свободное кресло стояло напротив меня, однако он сел рядом, по привычке выбрав нашу сторону стола. Я взяла сумку с пола и поставила между нами. Его взгляд скользнул по ней, но комментировать он не стал.

– Цель сегодняшней встречи довольно проста, – начала Вера Александровна, переводя взгляд с него на меня. – Марина намерена расторгнуть брак. Кроме того, вам необходимо временно урегулировать управление совместным имуществом и обществом, пока не будет принято решение о разделе.

– Никакого решения о разводе пока нет, – резко перебил Антон, вскинув подбородок. – Есть реакция человека, который за один вечер узнал слишком много и теперь пытается уничтожить все раньше, чем успеет осознать последствия.

Я медленно повернулась к нему.

– Не рассказывай обо мне так, будто меня нет в кабинете, – процедила я, сжав ручку сумки. – И не объясняй постороннему человеку, что я осознала, а что нет. Ты семь месяцев умудрялся не замечать, с кем сам живешь.

– Я не считаю Веру Александровну посторонним человеком, раз ты принесла сюда все наши документы, – огрызнулся он и раздраженно потер висок. – Но развод через три дня после разговора – это не решение. Это попытка наказать меня.

– Ты правда думаешь, что все мои действия теперь посвящены тебе? – почти выкрикнула я. Голос ударился о стены небольшого кабинета, и я уже не стала его понижать. – Ты изменил мне, снял квартиру для другой женщины и объявил об уходе перед родителями. Я не обязана еще несколько недель изображать жену, пока ты выбираешь более удобную беременность.

Антон побледнел и коротко оглянулся на дверь.

– Говори тише, пожалуйста.

– Почему? Тебя могут услышать? Вдруг кто-нибудь поймет, что ответственным мужем ты был только до тех пор, пока никто не задавал вопросов?

– Я пришел не для того, чтобы ты меня оскорбляла, – жестко произнес он, стиснув челюсть.

– А я приходила на семейный ужин не для того, чтобы ты сообщил о беременной любовнице. У нас обоих неудачная неделя.

– Достаточно, – вмешалась Вера Александровна, постучав колпачком ручки по столу. – Вы можете продолжать выяснять отношения дома, если оба этого хотите. Здесь мы решаем, способны ли вы сохранить имущество и действующий бизнес до раздела.

Антон откинулся на спинку кресла и скрестил руки.

– Я ничего не собираюсь прятать или забирать. Деньги на счетах, квартира на месте, доли оформлены поровну. Марина прекрасно знает, что у нее есть полный доступ к финансам.

– Доступ у меня есть, – перебила я, заставляя себя говорить спокойнее. – Знаний нет. Я не могу назвать стоимость собственной доли, объем обязательств и свободный остаток по компании. Потому что всегда спрашивала тебя и принимала ответ на веру.

Антон резко повернул голову.

– Ты сейчас обвиняешь меня в том, что я крал деньги?

– Я не произнесла ни слова о краже.

– Зато привела юриста и положила перед ней банковские выписки, словно готовишь уголовное дело, – прошипел он, сузив глаза.

– Не преувеличивайте, – холодно заметила Вера Александровна. – Выписки нужны для понимания состояния имущества. Если все прозрачно, документы только подтвердят ваши слова.

– Все прозрачно, – отрезал Антон и снова посмотрел на меня. – Ты сама не хотела заниматься финансами. Каждый раз, когда я предлагал вместе проверить отчет, ты отвечала, что тебе важнее проекты и клиенты.

– Да, не хотела, – признала я, расправляя плечи. – Мне было удобно переложить цифры на тебя. Я доверяла мужу и партнеру. Это была моя ошибка, и теперь я ее исправляю.

Антон открыл рот, но не сразу нашел ответ. Его брови сошлись на переносице, пальцы несколько раз сжались на подлокотнике.

Наверное, ему было бы проще, если бы я обвиняла его во всем. Тогда можно было защищаться, перечислять мои промахи и доказывать, что в компании он работал не меньше. Но я не снимала с себя ответственность. Я лишь больше не собиралась отдавать ему право решать, какую часть правды мне следует знать.

– Хорошо, – наконец бросил Антон, дернув плечом. – Сегодня отправлю полную отчетность, список обязательств и движение по всем счетам. Но я не позволю представить это так, будто держал тебя в финансовой зависимости.

– Тогда документы покажут, что не держал, – спокойно ответила я.

Вера Александровна зафиксировала договоренность и перешла к временным правилам. До оценки долей ни один из нас не мог единолично брать крупные обязательства, выводить средства или менять условия действующих контрактов. Рабочие вопросы следовало обсуждать только через корпоративную почту, чтобы сотрудники не становились посредниками между ссорящимися владельцами.

– И еще один пункт, – добавила я, посмотрев на Антона. – Никаких обсуждений моей беременности и моей работы с Ксенией.

Антон насмешливо вскинул бровь.

– Ты хочешь через юриста запретить мне разговаривать с матерью моего ребенка?

– Разговаривай с ней о ее беременности, ваших отношениях и своем переезде, – резко ответила я. – Но вчера ты сообщил ей, что я не в состоянии работать, и пообещал забрать мои выезды на отель. Ты принял рабочее решение без меня, а потом использовал его, чтобы успокоить любовницу.

– Это было личное голосовое, – раздраженно возразил он, наклоняясь ко мне. – Я не увольнял тебя и не связывался с заказчиком.

– Личная ложь не становится безвредной только потому, что ты отправил ее одной женщине.

– Я не лгал. Я говорил о том, что стройплощадка может быть опасна для беременной.

– Ты не врач и не мой руководитель, – сорвалась я, резко ударив ладонью по подлокотнику. – Я сама обсуждала работу с врачом. Сама решу, когда могу ехать на объект, а когда нужен резервный специалист. Ты даже не спросил меня. Просто объявил Ксении, что я больше не справляюсь.

– Я сказал неудачно, – выдохнул Антон и поморщился. – Но не превращай одну фразу в профессиональную катастрофу.

– Тогда запишем правило, чтобы подобных фраз больше не было, – вмешалась Вера Александровна. – Сведения о доступности Марины и распределении обязанностей сообщаются заказчику и третьим лицам только после письменного согласования между совладельцами.

Антон закатил глаза, но спорить не стал.

Когда временные договоренности были записаны, юрист достала подготовленный проект совместного заявления и положила его перед нами.

– Готовы подать вместе? – спросила она, сцепив пальцы на столе.

Антон даже не притронулся к бумаге.

– Я не подпишу развод сейчас. Нам нужно хотя бы несколько недель, чтобы успокоиться. Впереди обследования, работа, разговоры о квартире. Нельзя перечеркнуть девять лет за три дня.

– Девять лет перечеркнула не я, – произнесла я, чувствуя, как снова начинает гореть лицо. – Ты готовился уйти не три дня. Ты успел завести отношения, дожидаться беременности Ксении, снять квартиру и сообщить родителям.

– Я уже признал, что поступил плохо, – повысил голос Антон и раздраженно развел руками. – Но теперь обстоятельства изменились: ты беременна, у нас будет ребенок. Неужели тебе самой не страшно принимать такое решение именно сейчас?

– Мне страшно, – призналась я, и он на мгновение смягчился. – Именно поэтому я не хочу зависеть от того, в каком доме ты сегодня решил быть хорошим человеком.

Уголки его губ опустились.

– Я не бросаю тебя. Я покупаю продукты, звоню, предлагаю ездить на приемы и готов взять на себя часть работы.

– А живешь где?

Антон отвел взгляд к окну.

– В снятой квартире.

– Один или с Ксенией?

– Один, – нехотя произнес он, потирая переносицу. – Она отказалась переезжать, пока я не скажу прямо, собираюсь ли возвращаться к тебе.

На секунду я почувствовала облегчение. Мелкое, постыдное и такое сильное, что пришлось прикусить внутреннюю сторону щеки, чтобы не улыбнуться. Ксения тоже не получила готовую новую семью. Она сидела где-то в своей квартире и ждала того же ответа, что и я.

Потом мне стало противно от самой себя. Мы обе ждали, пока Антон решит, чье будущее ему удобнее.

– Значит, ясного ответа нет ни у нее, ни у меня, – медленно сказала я. – Зато обе должны терпеливо ждать, пока ты разберешься.

– Я узнал о второй беременности два дня назад! – воскликнул Антон, резко подавшись вперед. – Ты требуешь, чтобы я за сорок восемь часов придумал жизнь для четырех человек, в которой никто не пострадает.

– Такая жизнь уже не существует. Кто-то в любом случае пострадает. Ты просто хочешь, чтобы никто не считал виноватым тебя.

Антон вскочил. Кресло отъехало и ударилось о стену.

– Если ты решила наказать меня разводом, я не стану помогать, – процедил он, застегивая пиджак. – Когда перестанешь действовать из злости, мы поговорим нормально.

– Ты отказался от совместного заявления, – напомнила Вера Александровна, не повышая голоса. – Это ваше право. Марина может подать самостоятельно.

Он бросил на нее сердитый взгляд, затем снова повернулся ко мне.

– Не делай этого сегодня, – попросил Антон уже тише. Лицо у него неожиданно стало усталым, почти родным. – Дай мне хотя бы до следующего обследования. Я хочу пойти с тобой, услышать сердце ребенка, понять, что с вами все хорошо. Потом мы сядем вдвоем и решим, что делать.

У меня сжалось горло.

Часть меня хотела согласиться. Дождаться обследования, увидеть Антона рядом с экраном, позволить ему взять меня за руку. Вдруг этот звук заставит его вспомнить, кем мы были друг другу. Вдруг нескольких недель действительно хватит, чтобы он вернулся не из долга.

Я посмотрела на заявление.

– На семейном ужине ты уже решил, с кем хочешь жить, – произнесла я, медленно подвигая бумагу к себе. – Моя беременность не должна превращать меня в более выгодный вариант.

– Марина, ты все упрощаешь, – поморщился он.

– Нет. Это ты усложняешь, потому что простой ответ делает тебя виноватым.

Антон застыл, затем резко взял телефон со стола.

– Документы по компании пришлю вечером. На развод согласия сейчас не дам.

– А я больше не буду ждать твоего согласия.

Он дернулся, словно хотел что-то сказать, но передумал. Дверь за ним закрылась сдержанно, почти бесшумно. Даже уходя в ярости, Антон не позволял себе хлопать дверьми в чужих кабинетах.

Вера Александровна подождала, пока в коридоре стихнут его шаги.

– Вы по-прежнему намерены подать заявление сегодня? – спросила она, внимательно разглядывая меня.

Я смотрела на пустое кресло рядом.

На несколько минут Антон снова стал тем человеком, которого я знала. Уставшим, растерянным, неидеальным. Тем, кто просил подождать до обследования и хотел услышать сердце своего ребенка.

Мне так хотелось поверить, что этого достаточно.

– Намерена, – выговорила я и взяла ручку. – Имущество будем обсуждать отдельно. Я не позволю удерживать меня в браке квартирой, компанией или обещанием прийти на УЗИ.

Первая подпись получилась ровной. На второй рука дрогнула, и последняя буква фамилии съехала вниз.

Девять лет назад я несколько недель училась подписываться «Орлова» вместо своей девичьей фамилии. Теперь менять ее никто не заставлял. Можно было оставить имя, которое все в городе связывали с моими проектами.

От этого почему-то стало только больше.

Через час я вышла из кабинета. Папка заметно похудела: часть копий осталась у юриста. В коридоре пахло кофе из автомата и мокрой одеждой. Я остановилась возле окна, достала телефон и увидела уведомление из рабочей почты.

Тема письма: «Бутик-отель. Срочное подтверждение состава проектной группы».

Отправителем был Денис Сафронов, технический руководитель со стороны заказчика. За последние месяцы мы успели поспорить о старой плитке, вентиляционных решетках, ширине проходов и стоимости светильников. Денис не любил слово «срочно» и обычно утверждал, что настоящая срочность возникает только после плохого планирования. Я открыла письмо.

«Марина, Антон, ниже пересылаю поступившее сегодня обращение. До выяснения фактического распределения обязанностей согласование партии заказных дверей приостановлено. Прошу обоих подтвердить участие в закрытом совещании завтра в 9:00. Если решение не будет восстановлено до полудня, производитель передаст наше окно следующему заказчику, а срок поставки сдвинется минимум на три недели».

Ниже находилось письмо Ксении.

Она подписалась полным именем, оставила номер телефона и сообщила, что обращается из беспокойства за проект. По ее словам, ведущий архитектор находилась на раннем сроке беременности, фактически перестала выезжать на объект, а ее обязанности уже исполнял супруг. Имя Марины Орловой якобы оставалось в договоре формально, потому что совладельцы «Меры» скрывали от заказчика реальные изменения.

К письму прилагалась аудиозапись.

Я вставила наушник и нажала на значок воспроизведения.

Голос Антона прозвучал так близко, будто он стоял рядом:

«Марина сейчас не в состоянии нормально работать, поэтому я сам заберу у нее выезды на объект и пока не буду тревожить заказчика изменениями. Это не означает, что я перечеркнул все, о чем мы говорили...»

Я выдернула наушник.

Проходившая мимо женщина недовольно покосилась на меня, потому что запись несколько секунд продолжала играть через динамик. Я остановила ее дрожащим пальцем.

Утром Антон уверял, что это было личное сообщение. Неудачная фраза. Ничего, что могло повлиять на мою работу.

Теперь из-за этой фразы остановили заказ для проекта, который придумала я.

Я развернулась и вернулась в кабинет Веры Александровны без стука. Она подняла голову от документов и удивленно вскинула брови.

– Помощник уже отправил заявление?

– Пакет почти готов. Почему вы спрашиваете?

Я положила перед ней телефон. На экране оставалось открытым письмо Ксении.

– Ничего не откладывайте, – выдохнула я, чувствуя, как злость наконец вытесняет последние сомнения. – Отправляйте сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.